

Владимир Караев

Душа взаимы

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР



Владимир Караев

**Душа взаймы.
Эзотерический триллер**

«Издательские решения»

Караев В.

Душа взаимы. Эзотерический триллер / В. Караев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853500-0

Врачи тоже болеют. Герои этой истории, потеряв надежду на выздоровление, обращаются к экстрасенсу. Он открывает им истинную сущность недуга. Оказывается, вокруг нас бушуют жестокие энергетические войны, а жертвы расплачиваются здоровьем, счастьем, жизнью. Мистическая Вселенная с таким мастерством описана автором, как будто бы он видел ее своими глазами... Что было дальше? Читайте. Но держитесь покрепче, когда вас начнет затягивать этот иллюзорный мир, до ужаса похожий на настоящий...

ISBN 978-5-44-853500-0

© Караев В.
© Издательские решения

Содержание

Душа займы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Душа взаимы Эзотерический триллер

Владимир Караев

Иллюстратор Эдуард Бресслер

© Владимир Караев, 2017

© Эдуард Бресслер, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3500-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смертное проклятие обрушилось на героев, полюбивших друг друга и оставивших ради своей любви всю свою прежнюю жизнь. Они обращаются за помощью к таинственному Магу. В процессе расследования, проводимого Магом, он уводит героев в Мир Эфира. Перед героями раскрываются истинные сущности обитающих на Земле существ. Выясняется, что на Земле живут не только люди, но и пара-люди, смертельно опасные энергетические вампиры, имеющие отличное от людей происхождение.

В книге тесно переплетены любовь, эзотерика и антропология на основе динамичного детективного сюжета.

Все персонажи и события, описанные в книге, являются вымышленными и представляют собой плод воображения автора.

Любые параллели, совпадения между действующими лицами произведения и реально существующими людьми являются случайными, не имеющими никакого отношения к действительности и являют собой отражение образа мышления и фантазии каждого конкретного и отдельно взятого читателя.

При написании данной книги ни одно животное не пострадало.

В. Караев

Душа взаимы

Подняться в офис Колдуна, как объяснила Эле секретарша, можно было прямо с подземной стоянки. Очень удобно – найти паркинг в центре Тель-Авива – проблема в любое время суток.

– К Колдуну? – переспросил утром Миха, заломив бровь и сохранив тонкий баланс между ядом и презрением в интонации вопроса, когда Элька сообщила мягко, но жестко – сталь в подарочной упаковке – о принятом ею решении:

– Мы немедленно едем к Магу, – обозначив голосом профессию, как имя.

– Я к шаману не поеду, – отрезал Миха. – Бред! Ткнул себя пальцем в грудь:

– Я – врач, ты – тоже! – сузил глаза. – Неужели ты думаешь, мы не в состоянии справиться с ситуацией? Найти правильное решение? Провести целенаправленную диагностику и подобрать лечение?

– Конечно, милый! – улыбнулась Эля. – Но не в твоём случае. Твое состояние не подходит под определение «болезнь». Правильное название...

Она на секунду задумалась.

...хворь! Доброе, старое, зря забытое слово. Усмехнулась:

– Хотя, поразмыслив, прихожу к выводу – «порча» определяет твоё состояние наилучшим образом!

– К Колдуну не поеду! – снова отрезал Миха. Эля вздохнула.

Разговор состоялся менее часа назад, а теперь Миха нажал на тормоз, остановив машину перед закрытым шлагбаумом, за которым спуск на стоянку нырял под здание.

Слева – будка охранника. Израиль и его реалии. Террорист как герой нашего времени.

«Аренда тут дорогая, – невесело отметил про себя Миха, – а, значит, растёт и цена решения нашего вопроса, он включит в стоимость консультации и возмещение затрат. Э-хе-хе...»

Темное, худое лицо стражника с пронизательным взглядом майора Пронина помаячило в окнах «Форда». Крышка багажника глухо захлопнулась, слегка сдавив воздухом барабанные перепонки, и качнув машину – «проверка на бомбу» не заняла много времени.

Щуплый охранник-эфиоп, одетый в контрастно-белую, не по размеру огромную рубашку, окружавшую его маленькое тело огромным крахмальным пузырем, и в такие же пузырящиеся черные штаны, лениво шевельнул кистью – «Чист! Проезжай!».

– Господи! – в сердцах бросил ему Миха. – Ну где ты видел хоть раз русского еврея-террориста, а?

Тот не снизошел до ответа – а может, просто не понял?

Промелькнуло название фирмы, вышитое оранжевыми нитками на нагрудном кармане: «Мощь Господа». Миха повел головой и насмешливо фыркнул. Автомат выплюнул парковочный талон, шлагбаум конвульсивно дернулся, медленно поднимаясь.

На подземном паркинге все было, как обычно бывает на подземных стоянках: удушливо, жарко, пыльно, застоялая бензиновая гарь пропитала воздух. Миха заглушил мотор, посидел еще пару секунд неподвижно, внутренне готовясь к необходимости встать. Закусил загодя губу, открыл дверцу, опустил наружу одну ногу, осторожно вынес следом вторую и замер. Виски стали заранее покрываться липким потом. Поморщился и встал, стараясь перенести вес на открытую дверцу.

Боль проснулась с восторгом. Завизжала от радости и впилась всеми своими бесчисленными зубастыми пальцами в легкие, печень, выдирая, казалось, куски, как у Прометея. В глазах потемнело, и поплыли разноцветные круги, среди которых преобладали черные. Пот заструился по затылку. Хорошо хоть, тенниска на нем была темно-синяя, не видно, как она сразу

промокла на спине насквозь. Постарался незаметно для Эльки растереть поясницу. Он в свои пятьдесят с недлинным хвостиком обычно и чувствовал себя, да и выглядел лет на сорок с хвостиком коротким. До недавних пор. До последнего времени, когда на него навалилась эта беда. Ударила без предупреждения, без предвестников. Ударила наотмашь и без пощады.

Пока он неуклюже поднимался с водительского места, Эля, чертовка, успела вылететь из машины, мазком мастера скользнуть помадой по губам, подметив профессиональным наметанным врачебным глазом его закушенную губу, бледный, в испарине, лоб. Успела поймать страдание во взгляде, прежде чем он опустил глаза, и скрипнуть зубами от беспомощного отчаяния.

Эле в ее сорок пять нельзя было дать больше тридцати – большие кошачьи желтые глаза нагло крали возраст, подменяя его хитрым лукавством. Она, зная это, выстраивала над ними еще и большой самурайский пучок черных волос, маленькие губки бантиком, покрытые лаково-красной помадой, и густые тени над веками в агрессивном стиле «Сан-Суси» завершали сходство с японской миниатюрой. Да и рост был подходящий, японский, если бы не двенадцатисантиметровые стилеты туфелек, завершающих стройные и длинные ножки.

– Элька! – он сделал первый шаг, смог сдержать стон, мысленно похвалил себя, но на втором шаге не сдержался, охнул. Даже в тусклом люминисценте бережливых хозяев паркинга было заметно, как сразу затрепетали ее веки.

– Как тебе вообще пришла эта идея в голову найти шамана! – выкрикнул он первую же мысль, лишь бы не дать сочувствию прорваться слезами.

Она шмыгнула носиком, пожала плечами, зашуршала, забренчала неизвестными предметами, постоянными спутниками каждой уважающей себя дамской сумки, выудила платочек, аккуратно промокнула глаза. Отодвинула от себя руку – оценила инстинктивно размер ущерб, причиненный ресницам, и вздохнула:

– Как, как...

...Как выразить, объяснить, передать ее состояние превращения из женщины, врача с многолетним стажем и холодным отточенным диагностическим мышлением, в поджарую волчицу, готовую со смертной решимостью защищать свое логово?

Как только стали возвращаться первые результаты мишкиных анализов, обследований; как только она увидела первые неопределенные пожатия плечами коллег, недоуменные замечания из категории: «нетипичная клиническая картина», или «полученные результаты пока не позволяют судить о...», её интуиция разорвала тесные рамки логического мышления и взяла руль на себя.

«Они не могут ничего понять», – решила про себя Эля, видя, как Мишины друзья: хирурги, терапевты, онкологи пытаются собрать из результатов самых передовых в мире методов обследований единую клиническую картину, подгоняя их друг к другу в тщетной попытке сложить пазл.

«Они не смогут, – с абсолютной уверенностью сказал ее внутренний голос. – Не смогут, потому что это невозможно – кусочки из разных пазлов никогда не составить вместе».

Первая компьютерная томография легких была довольно оптимистична – небольшие консолидации в нижних долях обоих легких.

«Чепуха, коллега, сами знаете – с вашим стажем курильщика! Но повторим, конечно, для вашего спокойствия».

Повторили. Лица лечащих друзей стали вытягиваться – очаги появились и в других сегментах легких, а в нижних начали сливаться между собой.

Друзья начали стыдливо прятать глаза, уходить от ответов, избегать встреч в коридорах клиники и с ней, и с Мишкой. Все, кроме хирургов. Хирурги могли честно развести руками – не на операцию, к терапевту, пожалуйста...

Терапевты беседовали с онкологами. Складывалось впечатление об атипичном течении. Простите, атипичное течение ЧЕГО? Ну, вы сами врачи, должны понимать, неприятно, но факт, а химиотерапия должна дать хороший результат. Возьмем биопсию, получим патологическое подтверждение.

Взяли. Не получили. Патологи дали расплывчатое заключение. Множество атипичных клеток. Нет четких признаков, но и отрицать злокачественную природу полученных образцов легочной ткани не представляется возможным. Неоднозначные изменения в региональных лимфатических узлах.

Она продолжала соглашаться с Михой, с его бравыми заявлениями, что все уже вот-вот станет понятно, что ПЭТ КТ¹ абсолютно чистое, а это уже само по себе классно – у него нет онкологии! Скоро и диагноз подоспеет, вот увидишь! А пока эмпирически подобранное лечение помогает, и анальгетики работают!

Она продолжала согласно кивать в ответ и смотрела в его глаза, в которых бился страх, неслышимый крик: «Боже, что со мной происходит!» и страдание от не замирающей, терзающей боли, все сильнее и сильнее сжимающей легкие и не дающей дышать.

И тогда пришло ясное понимание бессилия медицинской науки. И вместе с этим пониманием она почувствовала, как внутри нее всколыхнулась и стала неудержимо рваться наружу спавшая, неизвестная ей доселе сущность. Сущность, отбросившая за ненужностью здравый смысл, логику и достижения медицинской мысли. Сущность, отрастившая ей виртуальные когти и зубы, чтобы лучше охранять и нападать, и уши, чтобы лучше слышать. Сущность опасной и беспощадной в защите своего дома волчицы.

Куски фраз, слова, выхваченные, вылущенные из мусора случайных бесед на улице, в супермаркете, коридорах больницы, стали приобретать неясный, но явно скрытый в них, пока неуловимый смысл: «Ищи Знаки. Открой истинный слух. Научись слышать, – сказал ей внутренний голос. – Иди вглубь, думай, чувствуй, сопоставляй. Ищи и обрящешь».

Она мысленно кивнула себе – я согласна. Психиатрия? Ну и пусть! Но интуиция шепнула – нет! Нет, не психиатрия, вовсе наоборот!

Слова, обрывки слов, куски фраз – вдруг завихрились вокруг нее, словно смерч, в эпицентре которого она находилась постоянно. Людская болтовня. Она стала СЛЫШАТЬ ее. Гомон навязчиво лез в уши, сводил с ума своей неумолчной бестолковостью:

«У Илюши вчера первый зубик... Приперся, бухой в жопу, я ему, ка-ак... Про Вовочку слышал?... А он на рыбалку... Колесо, сука, пропорол... А туфли такие красивые... Да он ее уже год, как трахает...»

«Боже! – взмолилась она, зажав уши ладонями в попытке прекратить этот нескончаемый, лишенный смысла поток. – Я не понимаю, зачем мне это! Я ничего не понимаю! Голова горит!»

«Молчи и слушай! – откликнулся кто-то внутри. – Подбери сопли – они никому не интересны – и слушай!».

Эля вздохнула, скрипнула зубами, разжала руки и с головой погрузилась в словесное море, лишь ночью отдыхая от похожего на птичий базар людского гомона. На следующий день она поняла, что одни слова ей слышатся чаще других.

«Менахем вчера чуть не опоздал... Вчера так торопилась, еле успела... Сергей орал на меня – опоздаем, дура! Завтра, смотри, не опоздай. Не опоздал, едва успел, не опоздай, не опоздай, не опоздай. Смотрел, смотрела, смотри, смотри. Смотри?»

¹ ПЭТ—КТ – позитронно-эмиссионная томография, современный метод выявления многих видов злокачественных новообразований и их метастазов.

«Смотри – не опоздай... – рассуждала она. – Не опоздай – куда? Не опоздай сделать – что?»

И вокруг нее, рядом с ней, поблизости от нее зазвонили телефоны. Все хваталась за свои мобильники, будто ковбои Дикого Запада за «кольты» и «смит-энд-вессоны». Всем понадобилось всё и срочно, срочно, СРОЧНО!

«Смотри не опоздай – срочно звони. Звони куда? Кому? Зачем?» – Эля лихорадочно думала, сопоставляла, перебирала наугад первые пришедшие в голову имена. Ничего. Ровным счетом ничего.

А потом Слух исчез, стал снова просто слухом. Вокруг по-прежнему текла говорливая человеческая река, но слова уже не проникали настойчиво в мозг, а оставались тем, чем они и были раньше – привычным фоном. Но вместо него пришло Зрение. Глаз выхватывал не замечаемые ранее детали: граффити с пентаграммами на заборах, каббалистические символы на стенах домов. Ветер прошелестел страницами газеты на ее столе и упорхнул, оставив открытой страницу с заголовком: «Театр Романа Виктюка или Колдовской Мир».

Утром она проснулась рано, было совсем темно. Кондиционер гнал холод. Миха спал и тихо стонал во сне. Эля потрогала его майку – она пропиталась насквозь холодным потом.

Она встала, тяжело вздохнув, нашарила ногами тапочки и тихо прошла в салон – выключить кондиционер. По дороге налила себе на кухне стакан холодной воды – проснуться.

Нажала на кнопку «выкл.» на пульте кондиционера. Чертыхнулась – опять сработал телевизор, среагировал не на свой пульт! Подошла выключить.

«...и все-таки, профессор, не считаете ли вы возможным, насылая порчу, вызвать у объекта опухолевые заболевания? – произнес кто-то вкрадчиво с ожившего экрана.

– Э-э-э... – протянул с сомнением сочный баритон».

Эля охнула и выпустила из внезапно ослабевших рук стакан с водой. Стакан угодил прямоком на приставку кабельного ТВ. Полыхнуло синим, приставка испустила предсмертное шипение, и в квартире выбило пробки.

На работу она не пошла, сказавшись больной. Просидела весь день у компьютера (электричество Миха вернул, просто подняв переключатель предохранителя на щите), сперва в тщетных поисках передачи – виновницы гибели кабельного телевидения в их одной, отдельно взятой квартире; затем – просматривая объявления с предложениями паранормальных услуг.

У Эли сложилось совершенная уверенность в участии всех и каждого в насылании и снятии сглаза, порчи, приворотов и общении с духами. Неисчислимое множество волшебников, ведьм, колдунов, магов, ведунов, шаманов и представителей множества иных смежных экзотических профессий заплонило виртуальную реальность. Что они только ни делали, включая тонкую нивелировку курса парных валют на рынке Форекс!

«Надо же – какая смесь Средневековья с нанотехнологиями!» – уважительно покачала головой Элька.

Девяносто процентов объявлений Эля отмела сразу – настолько они были рассчитаны на деревенского простака. Оставшиеся десять процентов были подставными сайтами, которые привели ее в итоге к трем-четырем фамилиям. Решить ее проблему – не взялся никто.

Эля позволила себе порыдуть немного, затем пошла льдом уменьшать припухлости под глазами, нарисовалась и поехала забирать Мihu с работы. Зашла в аптеку при больнице купить Мише лекарств, да и вообще накопилось того-сего по мелочи...

– Извините, вы ведь говорите по-русски? – неуверенное обращение.

Эля обернулась на голос.

Женщина лет шестидесяти. Русые волосы из-под простой полотняной косынки. Голубые глаза. Чуть вздернутый нос, полноватое, под стать всей фигуре, лицо. Среднерусская внешность.

– Да, говорю, – тепло улыбнулась Эля, желая приободрить, снять неуверенность. – Я могу вам помочь?

– Скажите, – с каким-то непонятым удивлением спросила та. – А у вас в стране «скорую» тоже по «03» вызывают?

– Нет-нет, – качнула головой Эля. – Надо набрать «101», – и участливо спросила: – Может, вам нужна помощь? Я – доктор, не стесняйтесь, пожалуйста!

– Что вы! – испуганно выставила руки перед собой незнакомка и даже обиженно фыркнула. – Никакая помощь мне не нужна! Я просто так спросила! У нас «03» звонили, – запнулась, бросила на Элю какой-то дикий взгляд. – Извините...

– Ничего-ничего, – ошарашенно пробормотала Эля, стараясь боком незаметно отойти от странноватой женщины (псих, честное слово!).

– Я тут остановилась! – странная баба дернула рукой, указывая на гостиницу напротив больницы. Дернула механически, не по своей воле, словно огромная марионетка на невидимых нитях. – В 345 номере.

Улыбнулась глуповато и повторила:

– Ага, в 345!

Густо залилась красной краской, зарылась от стыда лицом в ладони, и с криком: «Господи, что это я несу! Ох-х, простите меня, девушка!» вылетела из аптеки, только электронный звоночек успел слабо звякнуть, выражая общее недоумение немногих посетителей, посмотревших ей вслед. Перевели взгляд на Эльку. Она пожалала плечами – мол, меня не касается, и кто это – знать не знаю!

Кто-то кашлянул, словно дал сигнал, все зашевелились, занялись своими лекарствами, зашуршали рецептами. Эля еще раз пожалала плечами – всякие странные люди встречаются! – и тоже вернулась к своему списку покупок.

Терпеливо постояла в небольшой очереди в кассу – взгляд на часы: есть еще время, успеет. Кассовый аппарат бодро отстукал штрих-коды.

Сумма в точности повторяла Элин год рождения. О чем она и сказала кассирше, вытаскивая кредитку. Сообщила, не придавая значения – курьёзный факт и всё.

– Надо же! – молоденькая черноглазая и смуглая израильтянка, с ясными, черно-синими глазами потомка кочевников Авраама, оторвалась от кассы и взглянула на Элю. – Загадай-ка еще три номера навскидку и покупай лотерейный билет! Выиграешь десять лимонов – половину мне!

– Договорились! – подмигнула Элька, снимая с прилавка пакет с покупками. Вышла в больничный холл. Прошла несколько шагов. В голове щелкнуло. Все кусочки сложились, выстроились в одно целое. Упала на подвернувшуюся кстати скамейку. Посмотрела перед собой невидящими глазами. В висках сперва застучало, а потом принялся за работу целый кузнечный цех.

Эля пошарила, не глядя, в сумке, вытащила мобильник.

«У нас 03 звонили...»

Набрала 03 – код Тель-Авива, затем цифры 345, гостиничный номер, в котором остановилась странная незнакомка, четыре цифры – год своего рождения. Помедлила, резко выдохнула и нажала зеленую кнопку. Время остановилось.

Автоответчик включился после первого же гудка.

«Уважаемая Эля Владимировна! Мы необычайно рады вашему звонку. К сожалению, сейчас в офисе никого нет. Но мы ждем вас с доктором Михой завтра с утра, как только вам удастся отпроситься с работы, – а вам непременно удастся, не переживайте! – по адресу...»

Приятный мелодичный девичий голос назвал адрес в центре Тель-Авива.

«Ждем вас непременно!» – повторил с легким нажимом голосок, и автоответчик отключился. Эля положила телефон назад в сумку и впервые за полгода с пронзительной остротой пожалела, что бросила курить.

Всего этого рассказать она Мишке не могла – в лучшем случае недоверчиво бы скривилась, в худшем – озаботился бы всерьез ее психическим здоровьем. Поэтому шелкнула зеркальцем, тщательно, с холодным прищуром оглядев чуть тронутые влагой ресницы, и повторила:

– Как – как... Одна баба сказала...

– Что за...

– Господи, ты ее не знаешь, а вот я знаю хорошо! Толкнула шутливо в плечо:

– Пошли, опоздаем! Пошли, я сказала!

Как и рассчитывала, отвлекла обманным маневром, правда, ощутимо получила от Миши по заднице – ничего не попишешь, у каждого метода есть побочные явления!

– Идем! – Мишка перехватил инициативу и потянул ее к светящейся впереди надписи «Лифт» – опоздание к волшебникам чревато неприятными последствиями!

Они подошли к лифту. Миша нажал кнопку вызова. Она зажглась багровым тусклым светом, где-то наверху тяжело завыл мотор, жалуясь протяжно на свою долгую жизнь.

Лифт тренькнул и зазывно распахнул двери. Они втиснулись в крохотную кабинку. Все старые тель-авивские лифты рассчитаны на людей, страдающих от анорексии.

Уныло поползли по зеленоватому табло электронные цифры: «2», «3».

– Секретарша что – дала адрес и отключилась? Бросила трубку, так и не представилась?

– Нет, Мишка!

Элька смешалась, и готова была от стыда провалиться под землю. Это было настолько на нее не похоже! Господи, старая, выжившая из ума баба! Не запомнить ни имени секретарши, ни названия фирмы, – броского, кстати, крутится в уме, но никак не всплывет в памяти! – ни имени самого Мага, кстати, банального, никакой экзотики!

Не могла себя заставить поднять глаза на Мишку – ой, сты-ыдно!

– Ладно, ерунда! – тактично не стал беречь ее раны Миша. В конце концов, какая разница? Лифт грузно качнулся и с тяжелым выдохом сжатого воздуха раскрыл двери. Второй этаж. Прибыли.

На секунду они замерли. Миша первым вышел на площадку. Эля шла чуть сзади и с веселым испугом таранилась из-за его плеча на типичный офисный коридор. Ничего в нем особенного, магического не было. За исключением, разве, какой-то звенящей пустоты.

Обычная безликая кишка небрежно сформированного архитектурного пространства, освещенная лампами дневного света. С обеих сторон в нее выходят одинаковые, разводами раскрашенные под дерево двери. Пахнет старой, лежалой пылью. Плитка на полу, рябая от выбоин, дробит коридор квадратиками.

На мгновение вдруг воцарилась полная тишина, подчеркнутая слабым журчанием воды в клозете в конце коридора. И сразу же вернулись звуки улицы: жужжанье мотороллеров, писклявые голоса разносчиков мороженого, соло выхлопной трубы мощного мотоцикла...

Он кашлянул и слегка приглушенным голосом – нежилая пустота вокруг действовала на нервы – спросил:

– Эль, пора?

– Пора, Мишка. Полторы минуты осталось.

Сами того не замечая, Эля и Миша относились ко времени с удивительным уважением.

Наверное, с таким же пиететом относятся ко времени люди, чья жизнь зависит от его секунд: киллеры, саперы, шпионы и люди других удивительных профессий, а также приговоренные к смертной казни.

Большую часть своей жизни Эля и Мишка провели в операционной. Виртуозы, «звезды» своего дела, они порой сталкивались с обратным отсчетом секунд, когда в голове включался чужой механический голос и отстраненно сообщал:

«Остановка сердца. До необратимой смерти мозга осталось... Время пошло...»

И время шло. Оно бывало таким разным!

То стремительным, когда кровь черно-красным потоком неслась из операционной раны в пластиковые вакуумные банки, и ты превращался в десятирукого Будду, успевая одновременно:

- вонзать канюли в вены, ставить пакеты с кровью, плазмой, тромбоцитарной массой;
- отшвыривать в угол пустые пластиковые мешки из-под физраствора, Хартмана и прочих жидкостей, которых можно влить в человека, спасая ему жизнь;
- подгонять нерасторопных помощниц и неуклюжих, как щенки, младших врачей;
- заказывать новую кровь в Банке Крови, подсчитывать в уме кровопотерю и адекватность ее возмещения;
- выхватывать с монитора одним взглядом все показатели жизнедеятельности, анализировать их и сохранять в памяти, чтобы потом, когда сможешь вздохнуть, занести в компьютерную карту больного;
- следить, чтобы температура тела не упала ниже критической отметки, около которой ждет старуха с косой. А это непросто, когда живот распахан от грудины до лобка и весь ливер наружу, и кровь льется туда и обратно рекой;
- и, конечно, материть вполголоса, а иногда и в полный голос! – хирургов, которые довели и больного, и тебя до жизни такой.

То оно, время, становилось тягучим, резиновым, как часы на картинах Сальвадора Дали, когда тебя диким криком по телефону вызывают в операционную. Ты влетаешь и видишь чернеющее на глазах от тяжелого ларингоспазма тельце младенца, а бестолковый твой подчиненный стоит застывшим от растерянности истуканом, а вены нет, и не будет. Не будет, если ты ее не отыщешь и не «откроешь».

И ты знаешь, что, начиная с этого момента до остановки сердца, у тебя есть 90 секунд, если не сможешь «раздышать» ребенка.

Вся операционная застыла и смотрит только на тебя.

Во рту твоём сухо и горько от выброса адреналина. Стараешься унять дрожь в руках, стук собственного сердца в ушах мешает слышать уходящий в пике монитор. А внешне ведь – само спокойствие! И успеваешь «запахать» трубу, останавливая обратный отсчет на последних секундах, так в кино красные, быстро бегущие назад цифры на таймере бомбы замирают на цифре «1».

И пока это им – Мишке и Эльке – удавалось всегда: остановить обратный отсчет.

Двери всех офисов радовали бы армейскую душу унылым единообразием: белая рама, дверная плита под темно-коричневое дерево. Единственное различие – порядковые номера: 201, 202, 203...

Дверь Колдуна выходила седьмой по счету слева, номер офиса 209, как записала Элька. Дверь эта была действительно седьмой по счету слева. И на ней сталью отблескивали большие цифры «29»².

– Странно, – пробормотал Миха.

– Что – странно? – Эля стояла чуть за ним, привычно уткнувшись носом в его плечо.

– Номер кабинета... Он должен быть «209», и у тебя так и записано... а тут – «29».

Ничего не перепутала?

² Согласно нумерологии, 29 – это число борьбы со злом.

– Ну, ты прямо! – задохнулась от возмущения Элька. – Если я имен не запомнила, это еще не значит...

– Все, все, все! – Мишка поднял руки жестом «сдаюсь».

– Может, «ноль» в номере просто упал? – предположила Эля.

– Может, и упал. – Мишка с сомнением покачал головой. – Только цифры стоят слитно, без пропуска.

Вздыхнул и протянул руку к кнопке звонка – обычной, ностальгической, с виду советской пуговке, без выкрутас, понтов и прибабасов.

– Миш-ша! – тихонько прошептала Элька. И что-то в ее голосе шевельнуло волосы на затылке Михи и, легким морозцем пробежав по коже, заставило рвануться глазами за ее взглядом.

На правом косяке двери пылала желтым огнем массивная мезуза, на вид чистого золота, впрочем, Миха был не бог весть какой спец в ювелирке, мог и ошибиться.

Она не светилась отраженным светом люминесцентных ламп или живого солнца. Нет, нет, она именно горела! От нее исходило желтое пламя, но без жара, хотя казалось – коснись, и сожжет руку в момент!

Мезуза разгоралась прямо на их глазах. И чем больше она разгоралась, тем ярче на ней проступало прозрачное голубое сияние буквы «Шин» на ней, отражаясь в их распахнутых глазах. Мишина рука застыла, так и не коснувшись звонка. Но дверь, тем не менее, широко и быстро распахнулась.

– Пожалуйста, проходите... – пророкотал мощный, оперный баритон.

– Нет-нет! Простите! Повремените чуть! – человек, открывший им дверь, бросил озабоченный взгляд на мезузу:

– Мезуза чуть ли не плавится! Да и алмаз вот-вот вспыхнет! Сколько же на вас черного!... задержитесь немного над порогом... просто постоит, прошу вас, я скажу, когда можно будет зайти! Вот так... Превосходно! Порог, скажу вам, сделан из гейландита. Не слышали никогда, я полагаю?

И не ожидая от них, оторопевших, ответа, продолжил:

– Это особенный камень. Не драгоценный, но достаточно редкий. Мне его поставляют геологи из Сибири. Знаете ли, по роду своей деятельности порог мне приходится менять постоянно. Камень обладает редчайшей способностью забирать на себя отрицательную, черную энергию у переступающих через него. У меня его емкость насыщается быстро.

«Господи, не дай Бог, болтуном окажется», – с неприязнью подумал Мишка.

Он посмотрел вниз, и первым переступил одной ногой через порог – довольно широкую, сантиметров двадцать, не меньше – полосу серо-голубого камня, и рефлекторно напрягся в ожидании: удара молнии? грома? покальвания в висках и прочей атрибутики книг в стиле «фэнтэзи»?

Ровным счетом ничего... постоял над порогом немного.

– Все, достаточно. Теперь вы, госпожа, прошу вас, – вновь прозвучал вибрирующий баритон.

Эля, тоже чуть напрягшись, проскользнула в комнату. Дверь за ними захлопнулась, отсекая кондиционированную прохладу офиса от душного тель-авивского лета.

Встретивший их мужчина, отступив немного в глубь комнаты, слегка поклонился. Вышло это у него как-то совершенно естественно, неформально и вместе с тем с чувством глубокого достоинства, абсолютно без заискивания перед клиентом.

Лет ему было... Сорок? А может, и шестьдесят. Роста он был довольно высокого, заметно выше Михи с его метр восемьдесят.

На его лице доминировал и управлял всеми прочими чертами мощный библейский нос. Идеально выбритая кожа упруго обтягивала не только выступающие скулы, но и весь лицевой

скелет, хотя и была продублирована возрастом. Волосы по цвету представляли «соль с перцем», когда в смеси больше соли, но вились жесткими, густыми кудрями. Не волосы, а стальная спираль.

Цвет глаз в неярком свете приемной был неясен. Они были однозначно темными, но оттенок не улавливался.

А вот взгляда не было совсем. То есть, как таковой взгляд, безусловно, был, но поймать его, уловить направление, понять выражение не представлялось возможным. Он не то чтобы ускользал от собеседника, а скорее налетал на него, обрушиваясь одновременно со всех сторон.

«В том числе и со спины тоже», – подумала Эля.

Одет их визави был совершенно не по-израильски. Во-первых, пиджак. Кто же носит летом в Тель-Авиве клубный пиджак?! И зимой-то его носителей можно пересчитать по пальцам одной руки! А уж летом! Нонсенс, господа, нонсенс! А тут не просто клубный пиджак, а из тончайшего кашемира, превосходно сшитый явно на заказ где-нибудь на Джермин-стрит, Лондон, идеально сидящий по фигуре. Да и грех не сидеть на такой-то фигуре!

Тонкая темно-синяя ткань подчеркивала фигуру человека, не понаслышке знакомого с боевыми искусствами разных и многочисленных стран. Мышцы нигде не топорщили костюм, не бугрились, как у бодибилдера, но и места для сомнений в их наличии они решительно не оставляли! На левом нагрудном кармане пиджака алела эмблема с изображением пылающего меча в пентаграмме. Темно-серым брюкам необычайной выделки сукна не помешала бы табличка: «Осторожно! Острая складка!».

Завершающий штрих – конечно же! – зеркального блеска туфли. Английская непобедимая классика. Джон Лобб и иже с ним.

Миха любил стиль и ценил его чувство у других, поэтому он мысленно уважительно покачал головой, оглядев незнакомца. Кстати, а кто он? Ведь не представился! Референт? Секретарь? Помощник? Не назвавшийся господин спокойно и молча ждал, предоставив Эле и Михе возможность осмотреться.

Они стояли в большой круглой белой комнате с высоким сводчатым потолком.

«Метров пять, не меньше», – прикинул в уме Миха.

Комнату перечеркивала узкая черная каменная плита стоявшего на тонких металлических опорах длинного стола. На нем одиноко светился неизменный экран офисного компьютера.

За столом, подперев рукой щеку, сидела девица лет двадцати пяти и с любопытством смотрела на посетителей. Девица ничем не примечательная, таких невзрачных простушек ходит по улицам миллион с хвостиком каждый день. Глаза, однако, были необычны, и не цветом или величиной – как раз самые обычные темно-карие, а пронзительным, не по внешности, взглядом.

За спиной девицы веером расходились четыре белые двери с простыми круглыми металлическими ручками. Единственным цветовым пятном не в черно-белой гамме была картина в простенке меж дверьми. А единственным предметом, намекавшим на принадлежность офиса к оккультному миру, служила колода карт Таро на столе секретарши.

«Какая необычная картина... надо бы подойти поближе, рассмотреть», – по близорукой привычке сощурилась Эля в попытке разглядеть холст.

– Прошу прощения, но придется пару минут подождать, – референт, как для себя решил Миха, коротко склонил голову и скрылся в одной из дверей за спиной секретарши. В ее проеме мелькнул изогнутый, убегающий вдаль длинный и такой же белый коридор.

«Не офис, а царство Зимы», – подумал Миха.

В его голове привычно, как всегда перед деловыми переговорами, включился счетчик, прикидывая стоимость аренды, оргтехники и всего прочего антуража. Мишке было приятно считать себя деловым человеком.

В последние годы Миха, помимо анестезиологии, решил заняться бизнесом. И окунулся в модную, бурно растущую тему медицинского туризма. Лечение в Израиле!

Начал с нуля, с ничего. После двадцати лет жизни в Израиле подрастерял все московские связи. Но упорства Михе было не занимать, сам мог одалживать желающим! Названивал знакомым по всему бывшему Союзу. Вспоминал однокурсников по своему «Первому Московскому Меду им. Сеченова». Болтал, напоминая о былых веселых кутежах, и о себе, вновь становясь ближе, смеялся, уговаривал, рисовал перспективы, сулил проценты. И дело закрутилось! Сперва, как всегда, медленно, а потом ничего – ура! ура! Завертелись колеса!

Появился первый больной, который с момента своего появления в зале прилета начал подозрительно щуриться на Миху. Он во всем искал подвоха, и во всем, как ему казалось, его находил. Его нужно было постоянно убеждать в одном и разубеждать в другом.

Все свободное от операционной время его требовалось сопровождать на обследования, консультации и синхронно переводить все результаты на русский, а дурацким его вопросам придавать товарный вид на иврите, или опускать вовсе.

А решение бытовых проблем, типа: «Я требую в номер махровые тапочки. Бежевые! Говорю им русским языком на ресепшене, а он глазами хлопает, козел! Русского не знает, дятел!».

Мишка вздыхал, шипел сквозь зубы волшебные слова: «Твою мать!», и находились в гостинице бежевые шлепанцы... Специально для вас, дорогой пациент, эксклюзив!

Миха обладал природным обаянием и харизмой, великолепными организаторскими способностями, а терпение у него появлялось в избытке, стоило только лишь почуять в воздухе легкий еще запах денег.

Первый больной не вышел комом, а уехал очень довольный Михой, Израилем вообще, и израильской медициной в частности, а Мишка еще два дня мучился тяжелым похмельем.

От имени первого пациента позвонили еще несколько. Приехали, пролечились, и тоже остались довольны результатом – Миха работал четко, профессионально. В силу своего стажа, да и статуса, знал светил израильской медицины лично, отсюда и правильный подбор лечащих врачей, отсюда и успех лечения.

Миха нашел подходящего, интеллигентного водителя, он же одновременно и сопровождал пациентов – на жаргоне «туристов» – на обследования. Потом пришлось взять и сопровождающую: молодую, симпатичную, глупенькую, правда.

Так Миха стал, как он сам себя обозвал: «Знатным Кэшеваром» – наваривал «кэш».

Лечебный туризм сам по себе, и Миха в этом бизнесе – это отдельная, крайне увлекательная тема! Кто только не стремился принять участие в этом благородном деле спасения жизней и здоровья иностранных граждан, зачастую бывших соотечественников! Каких только рыбок не развелось в этой мутной водичке! Таксисты и уборщицы, люди иных неизвестных профессий, а то и вовсе без них – все они мечтали принять посильное и беззаветное участие в этом непростом труде. Все они считали, что организация лечения людей – дело плевое, не требующее никаких медицинских познаний.

Миха скоро научился отличать этих «посредников» от действительно серьезных организаторов лечения, совершенно необходимых для правильного ведения всего процесса, по одному только внешнему виду. Их всех отличали: выпирающие животы над черными брюками или джинсами, бегающие глаза, нагло-уверенный голос и – конечно! – узконосые лакированные туфли. Миха прозвал их «штиблетные мальчишки».

К Михе пошли деньги, «мани», «капуста», «бабло». А с ними пришли «БМВ», дорогие, знаковые шмотки, часы «Марин-Бреге». Часы, причем, не простые, а швейцарские, как неожиданно выяснилось для него самого, оказались мишкиной слабостью.

С бизнесом, правда, ушло все свободное время, которого и так-то было чуть – Израиль страна очень работающая. Встает рано, работает много – в семь утра операционная уже гудит – ложится поздно. Здравствуй, хронический недосып, деловые неизбежные российские пьянки, нервные срывы...

«Господи, ну что же это я, – Михя досадливо поморщился. – Это уже отдельная лекция на тему: „Медицинский туризм и его последствия для всех участников процесса“».

Эля перебила его мысли, дернув за руку:

– Две вещи. Меня поражают здесь две вещи...

– Первая, это, конечно, несоответствие между истинными размерами офиса, и тем, каким он, по идее, должен быть. – Михя приосанился. Он и сформулировал четко и красиво, и перед Элей смог покрасоваться умом и сообразительностью.

Эля, однако, только дернула плечиком:

– Это, милый, вторая вещь... А первая, – она посмотрела на Миху, и впервые за последние несколько недель ее глаза засветились надеждой на спасение и, от этого, невероятной радостью. – Ты как себя чувствуешь, солнце?

Сердце Михи ухнуло и пропустило удар. Он осторожно потянул в себя воздух. Боль привычно шевельнулась, просыпаясь, как всегда, при глубоком вдохе. Выпустила когти. Михя зажмурился, закусил губу, в ожидании раздирающего удара. Но боль лишь провела лапой по желудку, как будто бы ее лишили сил, и спряталась, затаилась клубочком, рыча от злости.

Миха вдохнул еще раз, поглубже. Чистый свежий воздух полился нектаром в легкие. Боль метнулась внутри, попыталась скрутить, бросить на колени, заставить кричать. Но силенок-то у нее поубавилось, господя, явно поубавилось! Только на холодную испарину и хватает... Но мы, врачи, люди привычные, нас этим не возьмешь!

Никакого логического обоснования. Ничего кроме двух глупых мыслей в голове.

Первая: «Все смешалось в доме Облонских». Вторая: «Эко хвост-то прижали!», с явным туповатым, просторечивым оттенком. Причем, кому прижали хвост, то ли медицине, то ли боли, Михя не знал.

Эля смотрелась зеркальным отражением его растерянности.

– Ты чувствуешь...

– То же, милый, что и ты!

Сбоку тактично откашлялись.

– Здравствуйте! – напомнила о себе забытая в сутолоке событий и впечатлений секретарша.

– Ой! – Эля вздрогнула и отпрянула от Михи. – Здравствуйте!

Секретарша вышла из-за стола. Темно-серый деловой костюм, юбка до середины икр, белая блузка. Ноль украшений. Серая мышка. Крепкое, политкорректно правильное, бесполое рукопожатие в стиле «Мы дети Обамы».

– Очень приятно познакомиться. Я – Нина. Как наверняка догадались – секретарша. Впрочем, Эля я уже имела честь представиться по телефону.

Эля смутилась, виновато покосилась на Мишку. Впрочем, ей казалось, что имя Нина в телефонном разговоре не прозвучало. Хотя...

– А вы – господя врачи...

– Можно просто: Эля и Михя. Очень приятно, – улыбнулась ей Эля за них обоих, и пожала протянутую руку, – и нам назначена встреча с господином... – она вопросительно замолчала, приглашая секретаршу продолжить.

– Конечно! – бодро согласилась секретарша. – Но босс, как вы сами слышали, попросил подождать несколько минут...

Эля поджала губы. Имени хозяина секретарша так и не назвала.

– А это был он? Он, что, сам нам открыл дверь?

– Собственной персоной? – вмешался Миха.

– Да, сам! – гордо улыбнулась Нина. – Большая редкость увидеть две Божьи Искры, объединенные в пару! Вот босс и вышел поприветствовать вас лично.

Эля удивленно приподняла брови, а Миха вопросительно прищурился.

– Прошу прощения... – одновременно вырвалось у них, они переглянулись, и Миха продолжил, – как вы сказали? Божьи...

– Объяснять что-либо клиентам – не моя прерогатива, – предрешая вопрос, Нина выставила вперед левую ладонь знаком «стоп». – Он сам все объяснит. Чутьку терпения.

В речи ее проскальзывал странный, непонятный акцент. Он не ассоциировался у Михи ни с одним из слышанных прежде.

– Вам капучино? Минеральную воду без газа? – она кивнула с улыбкой Эле, и повернулась к Михе. – А вам смертельно крепкий двойной «макиато» и «колу-зирро»? Алкоголь не предлагаю, так ведь? – неожиданно добавила вдруг секретарша, сама смутилась своей бестактности, зарделась и вылетела за дверь, в офисную кухню, наверное.

Оба несколько оторопели. Их вкусы и предпочтения, конечно, не являлись тайной за семью печатями, но зачем Магу понадобилось это выяснять? Не такие они важные персоны... Так же, как и факт Мишиной «завязки». Мишка семь месяцев назад, после очередной пьянки, понял: завис над пропастью, еще немного – нырнет с головой, и не вынырнет. Еле-еле смог остановиться. Раньше тоже, бывало, удавалось тормознуть, но через пару месяцев срывался. В этот раз решил – все, окончательно! И поверил.

Так оно и пошло, слава Богу.

– Не понимаю, как они... – начала Элька,

– А почему боль притупилась? – перебил ее Мишка. – А размеры офиса? А потолок сводчатый? Это ты понимаешь?

Он нервно дернул плечом:

– А Божьи Искры какие-то? Это нас так обозвали, между прочим!

– Успокойся, пожалуйста! – нервно фыркнула Эля, и повернулась к нему спиной. – Откуда мне знать? Сейчас Маг вернется, вот у него и спросишь!

И подошла ближе к столу секретарши, рассмотреть картину на стене. Единственное, как уже было сказано, цветное пятно на белоснежно-стерильных стенах.

Картина была довольно большой – метр на полтора, наверное. На ней был изображен уходящий от нас вдаль по пустыне воин. Древний воин. Широкая обнаженная спина была туго перетянута кожаными полосами нагрудных доспехов. Заплечные ножны пусты. Поверх них, на мощные мышцы спины, обрушивался длинный хвост черных вьющихся волос.

Походка воина была расслабленной – последний бой недавно окончился, его десница еще крепко сжимала огненный меч... «Огненный?!» – удивилась про себя Эля. Пригляделась. Да, меч в руке воина пылал языками огня, или же, казалось, весь состоял из пламени. А новый бой еще только предвещали неясные багровые всполохи за низкими холмами на горизонте, покрытыми жухлыми кустами.

Картину писал неплохой художник, но непрофессионал, не чувствовалось в нем годов, отданных мучению ученичества, овладению рисунком и чувством перспективы. Эля считала себя человеком, понимающим толк в живописи.

Но зато неизвестно почему возникала полная уверенность в том, что автор являлся свидетелем, очевидцем, если не участником запечатленного им события.

– Нравится? – звякнула подносом Нина, бесшумно вынырнувшая из кухни, и уже шустро расставляющая по столу чашки с ароматнейшим кофе, запотевшие до инея бокалы с водой и колой.

– Э-э-э... – неопределенно протянула Эля.

– Хозяин, знаете ли, иногда грешен. Любит писать маслом. В основном военная тематика разных веков. Этот «шедевр», – с иронией отозвалась Нина о творчестве босса, – один из самых любимых. Потому и висит тут. Только посетителей смущает, – вздохнула она, и неодобрительно поджала губы.

– И много у вас посетителей? – попытался придать разговору деловую направленность Мишка.

– Таких, как вы – шестая пара.

– Угу. А за какое время? – Миша попробовал схитрить.

– А за все время, – без улыбки ответила секретарша, и подняла на Мишу глаза.

Он встретился с ней взглядом, и не было в ее глазах ничего девичьего или по возрасту наивного. В них светилось то глубокое знание, что обретается с опытом долгой, очень долгой жизни, которую просто не могла прожить эта девчонка, лет двадцати с небольшим от роду.

– Что ж это я! – спохватилась она, – ваш кофе остывает!

И она, ловко перегнувшись через весь стол, поставила перед Михой его двойной «маки-аго».

Миха считал себя ценителем кофе. Между нами говоря, положила руку на сердце – безо всякого на то основания. Ну, попил человек кофе в дорогих кафе и ресторанах различных городов мира, в том числе и по всей Италии, это же не делает автоматически его знатком! Хотя, в наши дни заблуждение, согласитесь, распространенное.

Но этот кофе явно не нуждался в кофейном эксперте для своей оценки! Он был восхитительно самодостаточным, и обладал всеми атрибутами «вещи в себе». Что же касается его благоухания, то ничего, кроме дебильноватого мысленного причитания: «Нектар, батюшки, божественный нектар!», Мишке в голову не лезло.

– Ну? – благожелательно спросила девица, и уставилась на Мишу, как бы приглашая его к дегустации.

Миха поднес чашку ко рту и сделал крохотный глоток. Есть ли какие-то правила кофейной дегустации? Кофейная церемония – аналог чайной? Или же как дегустация вина? Волна крепкого, но не горького вкуса обволокла небо, фруктовый оттенок вспыхнул на мгновение на языке и исчез, оставив стойкое послевкусие.

«Крепкий кофе меня воскрешает», – любил повторять Наполеон Бонапарт. Этот кофе его убил бы. Ничего крепче Миха не пил никогда в жизни.

Эля смаковала капучино, полуприкрыв веки.

– Нет слов, просто нет слов, – Миха прокашлялся, и тут – всё-таки, вращение в околоолигархических кругах имело свои плюсы! – он вспомнил: – Скажите, но это не «Блю Маунтин»?

– Нет, что вы! – Нина даже всплеснула руками. – Это Hacienda La Esmeralda. Спешл. Сам Петерсен лично следит за сортировкой бобов, прежде чем отправить моему боссу. Это его лучшая «гейша», – она поправилась, – хотя правильнее было бы сказать «гиша». Говорят, производители кофе изменили название дерева в рекламных целях. Гейша, безусловно, вызывает больше приятных ассоциаций у потенциального покупателя.

– Однако, – она явно хотела польстить посетителю, – «Блю Маунтин» тоже превосходный сорт. Любимый напиток английской королевы, не так ли? – она улыбнулась. – По слухам, и Джеймса Бонда тоже.

– И вы что, всех посетителей угощаете таким кофе? – отрешенно поинтересовалась Эля, смакуя с сожалением последние капли.

– Скажете тоже! – фыркнула Нина и поджала губы. – Это же никаких денег не хватит! Подается только Божьим Искрам по указанию босса!

Дверь справа от стола секретарши широко распахнулась под чьей-то мощной рукой – волна воздуха от ее быстрого движения кольхнула волосы Нины.

– Прошу прощения за затянувшееся ожидание, – завибрировал уже знакомый баритон, – проходите, пожалуйста, в кабинет, прошу вас!

Колдун, – или правильнее называть его, как Эля, Маг? – приглашающе им кивнул с порога и вежливо придержал дверь. Она была большой, но не чрезмерно, чтобы не вызывать агорофобию, и – слава Богу! – квадратной.

«В круглой приемной все-таки чувствуешь себя некомфортно. Как это американским президентам работается в Овальном кабинете? Да и мебель подобрать к круглым стенам проблематично... на заказ разве... Впрочем, для Президента США это не вопрос». – Все эти мысли резво проскочили в Элькиной голове, пока она с выражением критического одобрения рассматривала кабинет.

Дверь за ними захлопнулась.

Комната была погружена в полумрак. Ее едва освещали свечи в большой, подвешенной высоко под потолок венецианской люстре из красных, зеленых и желтых тяжей муранского стекла, поблескивающих в отсветах камина. Только потолок из тяжелых закопченных веками массивных балок мог с честью принять на себя вес венецианского произведения искусства.

Слева от двери, недалеко от входа, в уходящем под потолок изразцовом камине потрескивали дрова в танце искорок, уносящихся в дымоход, сложенный из красного когда-то, а ныне почти черного кирпича.

«Камин? Летом?! В Тель-Авиве?!» – ошеломленно подумала Эля, бросив оторопевший взгляд на Мишку. Он только пожал плечами.



В комнате стояла гулкая, объемная тишина. Ее подчеркивали шорох тлеющих поленьев и тиканье еле видимых в темноте напольных часов.

Никаких внешних звуков, живущих своей жизнью в Тель-Авиве в любое время дня и года: детский плач; гудки наглых, покрытых шрамами, полученными в бесчисленных парковочных битвах, машин; гортанный визгливый смех темнокожих крашенных блондинок с черными корнями волос, в комнату не проникало.

Хотя левая стена и была затянута тяжелой черной, в складках, шторой, возникала смутная уверенность, что окна за ней нет. Выложенный желтыми квадратами паркетный пол темнел начищенным воском зеркалом, привнося запах мастики в сложный аромат кабинета, и скрывался под массивным письменным столом, рождающим в мозгу словосочетание «мореный дуб».

Поверхность стола была не просто черной. Это было материальное воплощение идеи черного имени Малевича.

За столом поблескивала мокрым асфальтом карбоновая строгая спинка кресла с металлическими подлокотниками. В свечном свете переливалось бликами название фирмы: «Mansory»³. Два точно таких же кресла стояли перед столом.

Глаза привыкали к темноте, и вот уже в дальнем правом углу проявился силуэт старинных напольных часов а-ля лондонский Биг-Бен, с медно-желтыми цилиндрами гирь за стеклом. На каминной полке угадывался могучий семисвечник. А по правую руку, отраженным огнем камина, горели лезвия многочисленных ножей, кинжалов и стилетов, развешанных на черной замше.

Среди них были и невероятно древние клинки, и современные, любимые бойцами всевозможных спецназов и бандитами всех стран короткие зачерненные ножи, сверкающие тонкой кромкой лезвия. Всех их объединяли ухоженность и готовность к немедленному делу.

Комнату наполнял насыщенный необычный аромат, сбитый из устоявшегося годами запаха прогоревших дров, свечного воска и дыма крепких сигар, причем лишенный табачной застоялости, так свойственной прокуренным комнатам. Несмотря на камин, в комнате стояла комфортная прохлада.

«То, что надо для операционной, – с завистью подумал Миха. – Градусов 22 – 23».

Вечный климакс орущих хирургов заставлял снижать температуру в оперблоке до 18—16 градусов. Это вызывало большие проблемы во время операции: больной быстро превращался в сосульку, или на жаргоне «Снегурочку». Снегурочки вели себя взбалмошно и плохо: роняли давление, замедляли резко пульс, а могли и вовсе остановить его. На выходе из наркоза начинали дрожать, как отбойный молоток, и тогда уже давление и пульс зашкаливали. В общем, все неприятности – из-за хирургов!

А спроси хирурга, – не задумываясь, скажет, что во всем виноват анестезиолог.

Миха стряхнул лишние мысли, вернул себя к реальности, сосредоточился.

– Господа врачи! – их пока что безымянный хозяин указал на кресла и сел сам первый, подав пример. Произведение дизайнерской автомобильной мысли, волею судеб приобретенное ножки вместо колес, приняло нелегкий груз с молчаливым достоинством. – Присаживайтесь, располагайтесь удобнее. Нам есть о чем поговорить, не так ли?

Эля улыбнулась как всегда открыто и жизнерадостно.

³ «Mansory» – тюнинговая немецкая фирма по углеводородным корпусам для элитных марок автомобилей: «Бентли», «Феррари», «Ламборгини» и т. д. Попутно выпускает самую дорогую в мире офисную мебель.

– Надеюсь, – ответил Миха с сухим предубеждением. Кресла были удивительно удобными. Спинка чутко следила за каждым движением своего клиента, и казалось, даже предвосхищала изменения позы.

– Ну-с! – хозяин офиса откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди, вздохнул умиротворенно. – Прежде чем мы приступим, говоря медицинским языком, к обследованию, диагностике и последующему лечению, я с удовольствием выслушаю все ваши вопросы, которых, как мне думается, у вас уже накопилось немало, и даже, – подчеркнул он, – на некоторые из них отвечу...

Его глубокий вибрирующий баритон резонировал, заставлял дрожать воздух комнаты, отзывался басами в грудной клетке.

– Не знаю лучшего средства для того, чтобы растопить лед недоверия и неловкость первых минут знакомства, чем хорошая, добрая сигара! – и он улыбнулся, словно кот, вспомнивший о сметане. Одним плавным движением поднялся из кресла и оказался сразу у каминной полки, не скрипнув половицей и не потревожив пламени свечей.

– Не угодно ли сигару? – Колдун обратился только к Михе. – А вам, сударыня, не предлагаю, поскольку вы недавно бросили. «Black Dragon», господин доктор? Гондурас. Отличаются необычайной эстетичностью покровного листа. – Он потянулся к каминной полке и снял с нее сигарный ящик. – Кроме того, ассоциации с драконом будят во мне приятные юношеские воспоминания. – Маг ностальгически вздохнул. – Но не будем тревожить былое. Хочу заметить, господа врачи, к воспоминаниям надлежит относиться с величайшей осторожностью, ибо никогда не знаешь, чем чревато их пробуждение. Но пока довольно об этом!

Он поставил ящик на письменный стол, открыл его, с наслаждением вдыхая крепкий сигарный дух, тотчас ударивший из-под крышки, и развернул его к Михе, уже снова сидя в кресле:

– Какой формат сигар вы предпочитаете в это время дня? Лично я всегда курю только формат «Джувлетта-2», обычно известный в быту, как «Черчилль». Удобнее двойной короны, хотя и того же калибра. Почему-то пользуется популярностью у ортопедов, – недоумевая, покачал головой. – Как анестезиолог, вы, быть может, знаете, с чем это связано?

– Э-э-э... – только и смог выдавить из себя растерянный Мишка.

– Понятно, – отрешенно ответил их странноватый хозяин, склонив голову набок и решая в уме некую, уютную задачу: – Хотя, если вы не привыкли к сигарам, может, вам лучше попробовать формат «Петит Корона», известный также, как «Марева»?

Маг тряхнул головой:

– Впрочем, решайте сами!

И подтолкнул к Михе сигарный хумидор, где, в аккуратном ряду, тщательно отделенные друг от друга прокладками из тонкой рисовой бумаги, лежали пять шедевров сигарного творчества.

– Э-ээ... Огромное спасибо вам, – несколько сумбурно отвел предложение Михе, невольно кося одним глазом на Элю. – Но я тоже бросил курить.

Проклятый Колдун, недоверчиво заломив бровь, прищурился. «Неужели?» – без слов, но красноречиво говорила его мимика.

– Миша! – в голосе Эли появились угрожающие сейсмические нотки, а взгляд, направленный на Миху, приобрел бритвенную кромку.

– Эля, солнце! Я действительно не курю! Мы же так вместе решили, – излишне убедительно зачастил Миша и бросил быстрый умоляющий взгляд на Колдуна. – Ты же знаешь! – он возвел глаза к потолку. – Ну, может, я и сделал пару затяжек за все время, но это всё! Честно!

– Хорошо! – Эля подняла изящный указательный пальчик с коротко обрезанным темно-вишневым ногтем. Увы! Длинные ногти и работа в операционной понятия несовместимые, хоть плачь! – Временно принимается!

Они синхронно повернулись к Магу. Сами того не замечая, их руки нашли одна другую, и пальцы переплелись.

– Та-ак, – протянул Колдун тоном фокусника, готового раскрыть секреты некоторых, самых примитивных и замшелых трюков перед почтенной публикой, и потер руки: – Спрашивайте! Кто первый?

Эля, мотнув головой, ринулась в атаку:

– Что с мишиной болью? Что вы о ней знаете? Она приутихла на время или насовсем? Это ваша заслуга?

– А как к вам обращаться? – спросил у Колдуна Миха. – Мне очень неловко, но то ли Нина не назвала вашего имени, то ли у меня уже проявляются возрастные изменения, – он, как бы извиняясь, развел руками, – но имени вашего я не знаю.

– Что вы, что вы! В извинениях нет никакой необходимости. Тем более, что истинного имени я вам открыть не могу – это даст вам определенную власть, сами знаете, надо полагать из книг... не все в них фэнтэзи, кстати. Вы, доктор, обращайтесь ко мне, как сами меня окрестили – Колдун. А вам, доктор, – он обратился к Эле, – больше нравится Маг. Вот и зовите меня Магом! – он довольно потер руки. – Ну-с, с формальным знакомством покончили. Что у нас дальше?

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака изящную сигарную гильотинку, тщательно примерился и обреза кончик сигары.

– Давайте рассмотрим ситуацию, – он зажег длинную сигарную спичку и начал равномерно обжигать сигару. – Вы, Миша, почувствовали в своей жизни, а потом и в состоянии здоровья некие изменения, которые не смогли объяснить ни простой логикой, ни жизненным опытом, ни профессиональными познаниями. Тогда у вас, Эля, – кончик сигары засветился идеально ровным красным кругом, и табачное облако окутало всех троих, – впервые возникла идея получить паранормальное объяснение паранормальных явлений. Но вы, Миха, на тот момент были резко против этого, и слышать не желали!

Отсвет сигары переместился лазерной меткой на мишкину грудь.

– Так? – тоном прокурора потребовал ответа Колдун.

– Так! – повинно кивнул Миха, подавив желание добавить: «Ваше блаародие!»

– Но когда началось стремительное ухудшение здоровья, вопрос, обращаться за магической помощью или нет, уже не стоял! – Маг оторвал глаза от сигары, охватив их своим неуловимым взглядом со всех сторон одновременно. – Что же вы удивляетесь, когда человек, к которому вы пришли решить паранормальные проблемы, проявляет паранормальные способности! Разве не так должно быть? Разве не поэтому вы здесь? – сигара вернулась на свое привычное место.

Повисла недолгая пауза.

– Возразить, в общем-то, нечего, – задумчиво протянула Эля, – конечно, так и должно быть. Просто трудно во все это поверить... что все это действительно существует. Рядом с тобой! Подсознательно пытаешься объяснить все это обманом, желанием сшибить деньги на твоих страданиях... Развод лохов, короче.

Голос ее внезапно сел, она замолчала, стараясь дышать ровно, и ненавидя себя за такое публичное проявление своей слабости.

– Простите, – закрыла лицо руками, сморгнув слезы.

Михе до смерти хотелось ее прижать к себе, и самому уткнуться в ее волосы, не сдерживая слез. Нервы за последние месяцы истрепались так, что он, человек с сильной волей, раскрутивший с нуля миллионный бизнес, начинал задыхаться от ощущения ужаса и неотвратимой беды там, где раньше бы перешагнул через такой пустяк, даже не заметив.

– Ладно, давайте закончим с вопросами, если таковые еще остались, – в голосе Мага проявилось впервые легкое нетерпение, – и перейдем к делу!

Эля, отвернувшись, полезла в сумку за зеркальцем – не потекла ли тушь? – и никак не отреагировала.

– Еще только парочку – и все, ладно? – обаятельно улыбнувшись, попросил Миха, и, не дожидаясь ответа, быстро спросил: – А боль? Боль вы убрали совсем, навсегда? Или...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.